

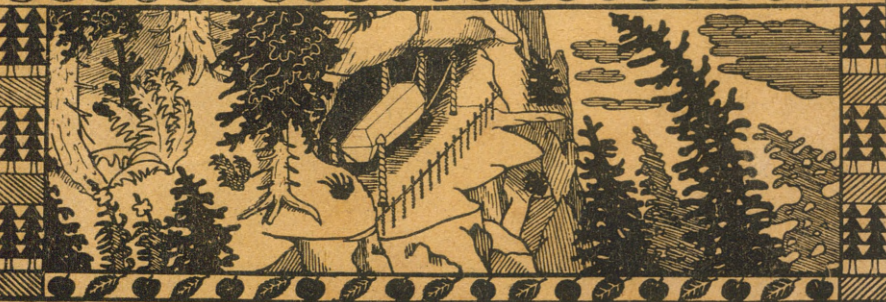
О рыбаке
и рыбке
Золотом
петушке

СКАЗКИ

Мертвой
царевне
и о семи
богатырях
Царе
Салтане

А. С.
Пушкина

А. С. ПУШКИН

СКАЗКИ

с вступительной статьей

Б. Н. Плаксына

Б а й р о й т 1946 г

Druck: Lorenz Ellwanger, Bayreuth

С детских лет начинаем мы, русские люди, узнавать и любить произведения Пушкина; нашим другом и учителем остается он в течение всей нашей жизни. Прекрасно писал он и в стихах и в прозе, но особого совершенства достиг он как поэт.

Его стихи отличаются замечательной красотой, звучностью, силой, легкостью и ясностью; они всем доступны и всем радостны. Непревзойденным образцом остается он для всех последующих поэтов.

У него был редкий дар в немногих словах, но художественно-наглядно описывать природу и человеческую жизнь, характер человека, его радости и горе. Особенно глубоко чувствовал Пушкин и ярко изображал душу русского человека и характерные черты русского народа и притом не только в современной ему, но и в давно прошедшей народной жизни.

Вместе с тем радуя и поучая нас своим творчеством, великий поэт, пробуждает в нас „чувства добрые“, как он это сам указал в стихотворении „Памятник“.

У русских людей, любящих свою родину, всегда живет и будет жить гордое сознание, что у России был Пушкин.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одной тиной.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одной рыбкой,
С не простою рыбкой, золотой.
Как взмолилась золотая рыбка,
Голосом молвит человеческим:
„Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь“.
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
„Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;

Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе“.

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
„Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море“.
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколелось“.

Вот пошел он к синему морю,
Видит: море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка и спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто,
Наше-то совсем расколелось“.
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом.“

Будет вам новое корыто“.

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу“.

Вот пошел он к синему морю
(Помутилося синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?
Ей старик с поклоном отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба“.
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет“.

Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:

„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой“.

Пошел старик к синему морю
(Не спокойно синее море);
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка,
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою;
Уж не хочет она быть крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой“.
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься ступай себе с богом“.

Воротился старик ко старухе,
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
„Здравствуй, барыня сударыня дворянка!“

Чай, теперь твоя душенька довольна“.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служит его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще, пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает:
„Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей“.
Испугался старик, взмолился:
„Что ты, баба, белены об’елась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство“.
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
„Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут поневоле“.

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет она быть дворянкой,
Хочет быть вольною царицей“.
Отвечает золотая рыбка:

„Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!“

Старичок к старухе воротился,
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столѸм сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: „Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна“.
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взапеей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
„Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садись не в свои сани!“

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Царедворцев за мужем посылает.
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:

„Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б. у меня на посылках“.

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей старик с поклоном отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нее на посылках“.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился.
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто. / 1833г./

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятom государстве
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут бывало с юга, глядь —
Ан с востока лезет рать,
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря, — со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!

Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
„Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепетается,
И в то место обернется.“
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
„За такое одолженье, —
Говорит он в восхищеньи, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою“.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна

Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: „кири—ку—ку:
Царствуй, лежа на боку!“
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели.
Таковой им царь Дадон
Дад отпор со всех сторон.

Год, другой проходит мирно,
Петушок сидит все смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден.
„Царь ты наш! Отец народа!—
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!“ —
„Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая. —
А? Кто там? беда какая?“
Воевода говорит:
„Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице“.
Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья? —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять, —
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходит,
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана
Ни надгробнаго кургана
Не встречает Царь Дадон.
Что за чудо? мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит,
И промежь высоких гор
Видит шелковый шатер.
Все в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит . . .
Что за страшная картина!

Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга
По притоптанной траве,
По кровавой мураве . . .
Царь завыл: „Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла!“
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатер
Распахнулся . . . и девица,
Шамаханская парица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким явством угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потом неделю ровно,

Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратной
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала,
Под столицей, близь ворот
С шумом встретил их народ.
Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей.
Всех приветствует Дадон . . .
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой
Весь как лебедь поседелый
Старый друг его скопец.
„А! здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?“
„Царь, — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу . . .“
Крайне царь был изумлен.
„Что ты? — старцу молвил он, —

Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я конечно обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты у меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего“. —
„Не хочу я ничего.
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу“, —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: „Так лих же, нет!
Ничего ты не получишь,
Сам себя, ты грешник, мучишь.
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика“!
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, — а девица
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится знать греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — в’езжает в город он . . .
Вдруг раздался легкий звон,

И в глазах у всей столицы
Петушок вспорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился . . . и в то же время
С колесницы пал Дадон.—
Охнул раз — и умер он, —
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снаряжился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи,
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенка земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,

И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? И он был грешен.
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройпа, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданное дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И красуясь говорила:
„Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты, конечно, спору нет;
Ты царица всех милее,
Всех румяней и белее“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,

И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась—и расцвела.
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданное готово:
Семь торговых городов,
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех руменей и белее?“
Что же зеркальце в ответ?
„Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее“.
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет! . . .
„Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.“

Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать беременна сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет
Так ли?“ Зеркальце в ответ:
„А царевна все ж милее,
Все ж румяней и белее“.
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку,
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На с'едение волкам.
Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?“

Не губи меня, девица!
А как буду я царица
Я пожалую тебя.“
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Бог с тобой“.
А сама пришла домой.
„Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?!“
„Там в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадетса зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть“.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем все шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;

В ворота вошла она.
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо ;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице ; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут ;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался ;
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвит : „Что за диво !
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же ? выдь и покажися,

С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и стапем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица“.

И царевца к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил
Да кусочек прикусила!
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Все в лесу, но скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сарачина в поле спешить,
Иль башку с широких плечь
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Прибирет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девипу
Полюбили. К ней в светлипу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: „Девнца,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас как нибудь:

Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам.“

„Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит: —
Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей“.

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
„Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил, поклонясь: —
Коли так, не заикнуся
Уж о том“. — „Я не сержуся, —
Тихо молвила она: —
И отказ мой не вина“.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,

Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяй и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все ж тебя милей“.
И царица налетела
На Чернавку: „Как ты смела
Обмануть меня? и в чем! . . .“
Та призналася во всем,
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица

Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса! „Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу“.
Отвечает ей черница:
„Ох ты, дитяtko девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Вьдь ко мне“.— Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяда,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги—и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. Что за чудо?
„Видно выспался он худо, —
Ей царевна говорит, —
На ж, лови!“ — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
„Влагодарствую, — сказала, —
Бог тебя благослови,
Вот за то тебе, лови!“
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит . . .
Пес как прыгнет, завизжит . . .
Но царевна в обе руки

Хвать — поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед“, —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
„Брось. Она его ласкать
Треплет нежною рукою;
„Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!“ — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Все на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так румяно, золотисто,
Так свежо и так душисто,
Будто медом налилось!
Видно семечки насквозь.
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила . . .
Вдруг она, моя душа,
Попатнулась, не дыша,
Белы руки опустила,

Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала . . .

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкаго разбоя.
Им навстречу, громко воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. „Не к добру! —
Братья молвили: — печали
Не минуем“. Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом знать оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.

Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли в Пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугуновых там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И пред мертвую сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: „Спи во гробе;
Вдруг погасла жертвой злобе
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима,
Не досталась никому,
Только гробу одному“.

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее“.

За невестою своею
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
„Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей“.— „Свет ты мой,—
Красно солнце отвечало:—
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил,
Или след ее заметил“.

Темной ночью Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
„Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,

Круглолицый, светлоокой,
И обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя,
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей“. — „Братец мой, —
Отвечает месяц ясной: —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала“. — „Как обидно!“ —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
„Погоди. Об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай“.

Елисей не унывая
К ветру кинулся взывая:
„Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее“. — „Постой, —

Отвечает ветер буйный:—
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальной
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста“.

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальной,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
„Как же долго я спала!“

И встает она из гроба . . .
Ах! . . . и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И беседея приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: „Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна все ж милее
Все румяней и белее“.
Злая мачиха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своею
Обвенчался Елисей.
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ
КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕК-
РАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
„Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То сама на весь бы мир
Приготовила я пир“.
„Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна“.
„Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;

Речь последней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мною и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха“.

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Обещанье выполняя,
С той же ночи понесла.

В те-поры война была.

Царь Салтан, с женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына Бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другога
Вот с чем от слова до слова:
„Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышенка, не лягушку,
А неведому зверюшку“.

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
„Ждать царева возвращенья
Для законного решенья“.

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велят;
Допряна гонца поят
И в сумму его пустую
Суют грамоту другую.
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
„Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод“.
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,

Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит . . .
А дитя волну торопит:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь карабли,
Не губи ты нашу душу!“
Выплесни ты нас на сушу!“
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?“ — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.

Сын подумал; добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук.
Со креста снурок шелковой
Натянул на лук дубовой,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон . . .
Видно на море не тихо;
Смотрит—видит дело лихо:
Бьется лебедь среди зыбей;
Коршун носится над ней!
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет . . .
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый наострил . . .
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела—
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит
И царевичу потом

Молвит русским языком:
„Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись“.

Улетела лебедь птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет! . . . „То ли будет?

Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя".
Мать и сын идет ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный Бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный дорр встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой.
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавой,
Пристань с крепкою заставой,
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовет их в гости
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“
Карабельщики в ответ:
„Мы об’ехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана : . . .“
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам госпола,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальней;
Глядь—поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
„Грусть-тоска меня с’едает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца.“
Лебедь князю: „Вот в чем горе!“

Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром“.
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала,
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихонько опустился
На корабль—и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости.
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об’ехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привольный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единой;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: „Коль жив я буду,
Чудной остров навешу,
У Гвидона погошу“.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудной остров навестить.
„Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!

Знайте, вот что не безделка.
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра—чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут“.
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз,
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
„Распроклятая ты мошка!
Мы тебя! . .“ А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня с’едает:
Чудо-чудное завесть

Мне б хотелось. Где то есть:
Ель в лесу, под елью белка —
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра-чистый изумруд;
Но, быть-может, люди врут“.
Князю лебедь отвечает:
„Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу“.
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкой —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех,
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном, при всем народе:
„Во саду ли, в огороде.“
Изумился князь Гвидон
„Ну спасибо, — молвил он, —
Ай-да лебедь—дай ей Боже
Что и мне, веселье то же“.
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,

Караул к нему приставил
И при том дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об'ехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок,
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана . . .“
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окянну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон

Шлет царю-де свой поклон“.
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь—а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит . . .
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль—и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой,
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об’ехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра—чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной,
И приставлен дьяк приказной
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;

Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон.
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду.
„Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу“.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха
Говорит царю ткачиха:
„Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли, говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как наподбор,
С ними дядька Черномор.

Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!“
Гости умные молчат.
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится . . .
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левой глаз,
И ткачиха побледнела:
„Ай!“ — и тут же окривела;
Все кричат: „Лови, лови,
Да дави ее, дави . . .
Вот ужо! постой немножко,
Погоди . . .“ А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел!

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь: поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной.
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня с’едает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел“.
„А какое ж это диво?“
„Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как наподбор,
С ними дядька Черномор“.
Князю лебедь отвечает:
„Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев ожидай“.

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге,
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе, как жар, горя,
Идут витязи четами,
И блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;

Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
„Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли“.
Все потом домой ушли.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Царь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем, вы гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об'ехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,

И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славнаго Салтана“.
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окяну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон“.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит . . .
Так и тянет, и уносит . . .
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал.
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму—и в шель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
В царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате,
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда? .
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об'ехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,

Все красавцы молодые,
Великаны удалые
Все равны как наподбор,
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходят
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду.
„Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу“.
Повариха и ткачиха
Ни гу-гу—но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
„Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
Б свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блеснит,
А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво“.
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится,
А царевич хоть и злится
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей;
Он над ней жужжит, кружится,
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь;
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите ради Бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави . . .
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди! . . .“ А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь—поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“ —

Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня с’едает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу“.
„А кого же на примете
Ты имеешь?“ — „Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?“
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И подумав, говорит:
„Да! Такая есть девица,
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом.
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом“.
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем

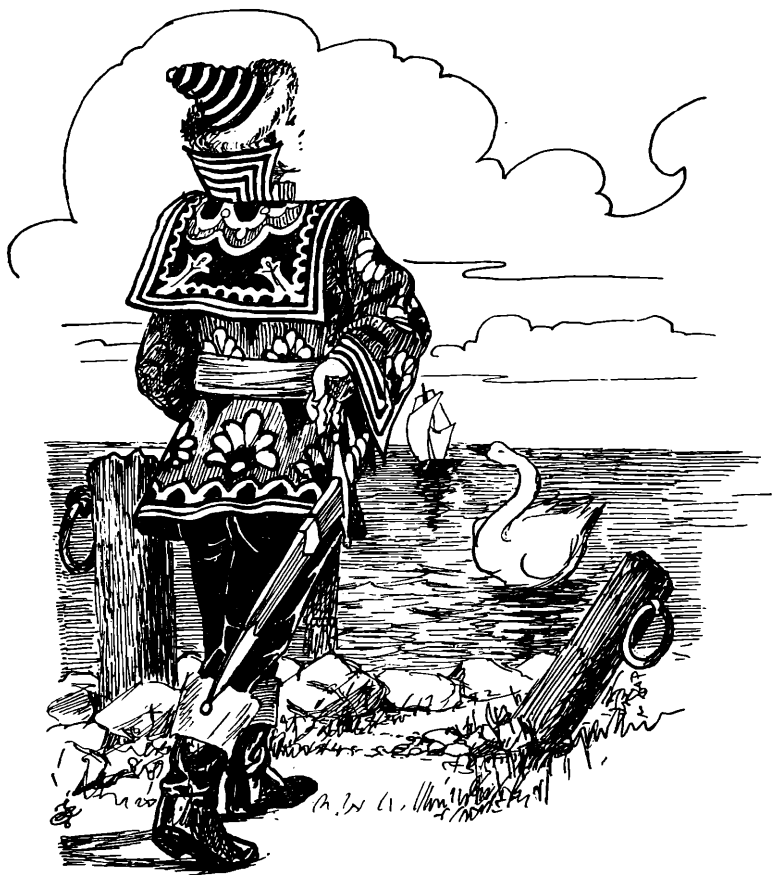
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком итти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: „Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна это—я“.
Тут она, взмахнув крылами
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
„Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья;
Ты детей благослови

Жить в совете и любви“.
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
„Бог вас, дети, наградит“.
Князь недолго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого.
Пушки с пристани палят:
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об’ехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана“.

Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался.
Шлю ему я свой поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?“

И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы об’ехали весь свет.
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра—чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как наподбор —
С ними дядька Черномор
И той стражи нет надежней,

Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит,
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался“.

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
„Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!“ — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали

Показались корабли;
По равнинам окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда“.
Флот уж к острову подходит
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит.
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,

Все равны как наподбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале—торопливо
Смотрят—что ж? княгиня—диво:
Под косою луна блестит
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит—и узнает . . .
В нем взыграло ретивое!
„Что я вижу? что такое?
Как!“—и дух в нем занялся . . .
Царь слезами залился
Обнимает он царицу
И сынка и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;

Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполъяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Оглавление:

	стрaн.
О Пушкине	2
Сказка о рыбаке и рыбке . . .	3
Сказка о золотом петушке . . .	11
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	19
Сказка о царе Салтане о сыне его славном могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прек- расной царевне Лебеди	38